

Конявская Елена Леонидовна
Институт российской истории
Российской академии наук
Россия, г. Москва

Рассказ о преставлении митрополита Киприана в летописной традиции XV — начала XVI веков

Сообщение о преставлении митрополита Киприана содержат подавляющее большинство летописных памятников XV века и более позднего времени¹. В одних летописях содержится лишь краткая информация о преставлении святителя, другие содержат пространный рассказ и текст его Прощальной грамоты. Анализ текстов о кончине митрополита дает материал для уточнения общей картины последовательности возникновения и взаимоотношении между собой летописных памятников XV — первой половины XVI веков.

Итак, первую группу составляют летописные памятники, в которых читается лишь краткая информация о кончине митрополита. Таково известие в Новгородской I летописи: «Преставися митрополит Киприянь на Москвѣ» [Новгородская первая летопись 1950: 399]. Столь же лаконична сугубо новгородская Большаковская летопись: «В лѣт(о) ꙗ~сѣді. Киприянь митрополит успе на Москвѣ» [Новгородский исторический сборник 2005: 360]. Тверской сборник содержит два сообщения о смерти Киприана под 6913 (Того же лѣта, мѣсяца септевра въ 16 день, преставися митрополитъ Киприанъ) и 6914 («Въ то же время преставися Киприанъ митрополитъ» [ПСРЛ. Т. 15: 472]) годами. Летописные статьи данного памятника за эти годы представляют собой крайне сложную картину, разнящуюся по спискам², но оба известия настолько кратки, что высказываться о причинах возникновения дублировки затруднительно.

Чуть более подробным предстает сообщение в Московской Академической летописи (далее — МАк): «В лѣ^т. ꙗ~с. ц^р. еї . индикта . еї . престависѧ пресѣѣннии митрополи^т Киприанъ Киевъскыи . и всеа Рꙋси . семь³ . еї . въ . а^в . ча^с ноци . пасъ црѣвь Бжѣю лѣ^т . лѣ» [ПСРЛ. Т. 1, вып. 1–3: 538]. Здесь сообщение датировано 6915 годом, а не 6914,

¹ Анализ текста Прощальной грамоты в летописях (в сравнении с более поздними подобными грамотами) был проведен в диссертации О. В. Морковиной [Морковина 2005], однако анализ сосредотачивался в основном на Никоновской и Воскресенской летописях.

² См. об этом: [Конявская 2007: 252–267].

³ Сентября.

как в большинстве летописей. Тот же 6915 читается в Симеоновской летописи, и мог быть в Троицкой. По выписке Н. М. Карамзина мы можем судить лишь о том, что Повесть, включающая Прощальную грамоту митрополита, в этой летописи была, и, возможно, заключительная фраза Грамоты содержала указание на 6915 год (в других летописях год опускался). М. Д. Присёлков разместил весь текст под 6914 г., но реконструировал он его по Воскресенской летописи [Приселков 1950: 462–464]. Как справедливо заметил Н. М. Карамзин, в самой Грамоте Киприан мог исходить из сентябрьского года. Летописцы же, еще не перейдя на сентябрьское летосчисление, помещали известие о смерти пастыря под 6914 мартовским годом, а противоречащее ему указание в тексте самой Грамоты опустили, оставив лишь данные о дне, месяце и индикте написания духовного завещания.

Возвращаясь к МАк, следует заметить, что в этой летописи указано не 16, а 15 сентября как день смерти Киприана, а также зафиксирован час его преставления — 1 час ночи. Почему именно в этом известии, где конкретизирована время смерти, иной оказалась дата, сказать трудно, но можно выказать предположение. Как известно, начало дня, как в Древней Руси, так и в Византии, традицию которой могли соблюдать в ближайшем круге митрополита, считалось с рассвета. Возможно, составитель известия имел точные сведения от тех, кто был при митрополите в его последние часы (либо сам был среди таковых). Этот текст не получил распространения. Тот же рассказ, который переписывался и редактировался, отразил ту ситуацию, когда, о событии стало известно в Москве, — уже после рассвета 16 сентября.

Хотя в известии Мак, как и в нарративах других летописей, говорится о 30 годах святительства митрополита, здесь нет добавления «без полутретиа месяца», которое появилось в летописных рассказах, очевидно, по недоразумению. О 30 годах святительства говорит в Грамоте сам Киприан, но там это звучит следующим образом: «А понеже съчтохъ лѣта своя, отнели въ митрополиты поставлень быхъ, и обрѣтесе числомъ, яко тридесятое лѣто течеть къ приходящему мѣсяцю декамврию въ 2 день» [ПСРЛ. Т. 18: 152]. Речь идет о течении тридцатого года, который стремится к 2 декабря, когда исполнится 31 год, что и подтверждается нашими знаниями о поставлении Киприана на Русскую митрополию 2 декабря 1375 года. До 2 декабря митрополит не дожил, стало быть, был в святительстве полных 30 лет, или 31 год «без полутретиа месяца». Своих собственных подсчетов составитель пространного рассказа не производил, да и, возможно, не располагал необходимыми для этого данными, а

слова Киприана понял неправильно.

Отличается от пространного рассказа фраза МАк и в текстуальном отношении: «пас церковь Божию» (в то время как в рассказе: «был въ митрополитех в святительстве»). Таким образом, это известие МАк можно считать независимым от магистральной линии развития повествования о смерти митрополита, оно, скорее всего, попало в текст летописи практически синхронно, информацию летописец мог получить от ростовского архиепископа Григория, бывшего первым лицом на похоронах святителя.

Остальные летописи (кроме Никифоровской и Супрасльской, о чем будет сказано ниже) содержат развернутый нарратив, варьируя один и тот же текст. Можно выделить две основные редакции этого текста.

1-ю Редакцию представляют летописи, восходящие к Новгородско-Софийскому своду. Можно сказать, «в чистом виде» — без разного рода добавлений — нарративная часть текста читается в Софийской I летописи (далее — СI):

«М(е)с(я)ца сем(тября) 16 д(е)нь преставися прес(вя)щенны митрополит Киевський и всея Руси Киприянь, а былъ в митрополитѣх в с(вя)тительствѣ лѣт 30 без полутретия м(е)с(я)ца. И проводиша его ч(е)стно весь град, и еп(и)ск(о)пи служиша над нимъ Григорей еп(и)ск(о)пъ ростовський, Иларионъ еп(и)ск(о)пъ коломенський, Митрофанъ еп(и)ск(о)пъ суждальський, и архимандрити и игумени и вес(ь) сборъ с(вя)щ(е)ньскыи пѣвши над нимъ обычное надгробное пѣние. И положиша его въ зборной ц(е)ркви С(вя)тыя Б(огороди)ца на Москвѣ, в ней же есть гробъ Петра и Феогнота, ту же и сего положиша на правой сторонѣ в степени¹ по его повелѣнию. Сии же митрополит въ старости велицѣ быв и разболѣся на Голяницѣ, идѣже есть ц(е)рк(о)вь его опришняя, поставлена во имя с(вя)тых Трех С(вя)т(ите)ль, идѣже и часто любяше быти, яко бѣ мѣсто тихо и безмятежно, и покоино. Тамо разболѣся и болень лежаше нѣколько дни и ту и преставися.

Преже преставления своего за 4 дни написа грамоту незнаему и страннолѣпну, акы прашалную и акы въ образъ прощения, рекше всех прашая и бл(а)г(о)с(ло)вляя и *от* всех прощения и бл(а)г(о)с(ло)в(е)ния требуя. Се же мню, яко неконечнаго² ради любомудриа и цѣлом(у)дрия, сице *от*ходя сего свѣта, заповѣдаша еп(и)ск(о)помъ и сущимъ ту и при-

¹ Так в старшем изводе СI и Вологодско-Пермской летописи, в остальных летописных памятниках «стенѣ».

² Ошибочно только в списке Оболенского СIст, во всех остальных летописных памятниках «конечнаго».

ставником, г(лаго)ля: “Еда мя въ гробъ въкладаючи, тогда сию грамоту надъ мною прочтите въслух людемъ”, еже и быст(ь), еже и створи пр(е)п(о)д(о)бныи Григорей Ростовьскыи, прочте ю велегл(а)сно, да будетъ услышано въ ушию всему народу. И внегда чтуще ему, тогда многы *от* предстоящих на слезы подвиже. Бе же грамота писана тако» [ПСРЛ. Т. 6, вып. 1: 526–527]¹.

Идентичными оказываются тексты летописей, чьим источником является Софийская I старшего извода: Никаноровской летописи, Софийской I по списку Царского, Вологодско-Пермской летописи. На этой версии основан и текст в Никоновской летописи.

Вариантом редакции является «новгородская группа» летописей: Новгородская Карамзинская (2-я подборка) (далее — НК2), Новгородская IV (далее — НIV) и Летопись Авраамки. Эти летописи содержат дополнение: о коломенском епископе Иларионе сказано, что он «бывъ прежде игоумень Лисицкоя лавры» [ПСРЛ. Т. 42: 170]. Как отмечал А. Г. Бобров, такое добавление можно связать с именем новгородского архиепископа Евфимия II [Бобров 2001: 127], игуменствовавшего в Богородицком монастыре до получения владычной кафедры. Кроме того, отличительной чертой НК2, НIV и Летописи Авраамки является наличие философского прибавления, следующего за текстом Прощальной грамоты, ему посвящена отдельная работа Г. М. Прохорова².

Характерно, что в Новгородской IV летописи обнаруживается дублировка сообщения о рассматриваемом событии. В первый раз это краткое известие: «Того же л,та преставися богол,пныи Куприянь митрополить Роуский на Москв,» [ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2: 399]. Эта форма известия читается в Новгородской Карамзинской (I подборка) (далее — НК1) [ПСРЛ. Т. 42: 94].

Поскольку повторная информация в НIV в той же статье 6914 г. представляет собой вышеупомянутый пространный рассказ о преставлении и похоронах митрополита, почерпнутый, видимо, составителем протографа летописи через какое-то посредство из митрополичьего Свода 1408 г., первое краткое сообщение, совпадающее к тому же с НК1, можно считать происходившим из новгородского летописного источника, который использован в «новгородской редакции» Новгородско-Софийского свода (о ней будет сказано далее).

2-я Редакция рассказа читается в Симеоновской летописи, Московском своде конца XV века, Владимирском летописце, Ермолинской (в со-

¹ Далее следует текст Грамоты митрополита.

² См. об этом тексте: [Прохоров 1987: 123–154].

кращении), Типографской, Софийской II, Воскресенской летописях.

От 1-й Редакции имеются следующие отличия.

Добавлено:

1) На Голенищеве Киприан любил бывать «на дѣле книжного писаніа»

2) Церковь Трех святителей Киприан «сам постави»

3) Большинство летописей содержит приписку о том, что по образцу этой грамоты и другие русские митрополиты составляют подобные духовные завещания.

Опущено:

1) Киприана хоронят в соборе, где «есть гроб Петра митрополита и Феогноста»

2) Его хоронят в этом месте «по его повелению»

3) Заболев, Киприан на Голенищеве «болен лежаше неколико днеи».

4) В конце Прощальной грамоте слова «да не¹ подписал есмь немощи ради своя».

Характер двух отличий указывает на вторичность этой реакции: явно добавлена (а не убрана в С1) фраза том, что преемники Киприана пишут такие же грамоты, могла быть именно добавлена в более поздней редакции. А фраза о том, что святитель сам не подписал Грамоту немощи ради, наоборот, могла быть в более поздней редакции именно опущена, а не добавлена.

Основания для такого рода редактирования могут быть самые разнообразные. Хотелось бы высказать весьма гипотетичное предположение относительно упоминания гробов Петра и Феогноста. Не означает ли отсутствие такого упоминания во 2-й Редакции, что к моменту ее создания в этой же стене был похоронен митрополит Фотий? Умолчать об этом, если говорится о похороненных в соборе митрополитах, летописец не считал возможным, а развитие этого сюжета потребовало бы внесения в текст уже серьезных дополнений, связанных с преемником Киприана.

Здесь стоит вспомнить мысль А. А. Шахматова о том, что «Прощальная грамота» Киприана попала в общерусские летописи из Фотиева Полихрона [Шахматов 1901: 66]. Если исходить из логики ученого, то можно думать, что Грамота была внесена в оформляемый по представлению митрополита Фотия свод, в связи с тем, что сам Фотий последовал примеру Киприана и также перед кончиной составил подобную грамоту.

¹ В НК2 «не» пропущено.

Однако серьезные аргументы, выдвинутые М. А. Шибаетым против шахматовской гипотезы существования Полихрона [Шибает 2012: 83–95], заставляют отказаться от столь удачно складывающейся картины. М. А. Шибает выдвинул концепцию, согласно которой в 1418 году был составлен другой свод, так же сыгравший значительную роль в летописании XV–XVI веков, — Новгородско-Софийский свод, инициатива составления которого, по мнению исследователя, принадлежит архиепископу новгородскому Евфимию II. М. А. Шибает исходит из того, что новгородский владыка располагал Киприановой летописью, а далее дополнял ее имевшимся у него новгородским и небольшим количеством неновгородских известий. Предположив, что у него был доступ к Киприановскому своду 1408 года, естественно предполагать и то, что он имел и список Прощальной грамоты митрополита. Но, как было показано, с Евфимием должно связывать второй этап формирования рассказа, «новгородскую обработку». Никак иначе объяснить добавление информации о Лисицком монастыре нельзя. Стало быть, наиболее первоначальное отражение общерусского летописного (великокняжеского?) свода — как бы его не называть — представлено в CI, которая открыла перспективу использования, пополнения и дальнейшего редактирования сложившейся общерусской летописи в дальнейшем летописании XV — начала XVI веков.

Как уже говорилось, ряд летописей, ведшихся в начале XV века, содержали краткие сообщения о преставлении святителя, не связанные с пространным рассказом. Но есть и более сложный феномен — текст, где частично использована Повесть в соединении с оригинальным материалом. Такое известие читается в Супрасльской и Никифоровской летописях. Текст их рассказа имеет и элементы, сходные с известием МАк. С МАк совпадает начало фразы (правда, с добавлением про месяцы): «пас церков Божию 30 л, т без полутретья месяца». Как и в МАк, говорится, что преставился митрополит 15 сентября, правда, в не час ночи, а просто «на ночь». Далее речь идет уже о 16 сентября, когда преставившегося митрополита «проводиша в город, нешоша на головах». И надо сказать, что в вышерассмотренном пространном рассказе не хватает как раз этого эпизода — перенесения покойного из Голенищева в Москву. В повествовании большинства летописей сразу говорится: «Проводиша его честно весь градъ, и епископи слоужиша надъ нимъ».

Совпадают с пространным рассказом слова в начале известия: «приставися преосвященни Киприянь, митрополить Киевьски и всея Руси» [ПСРЛ. Т. 35: 32, 54], а также заключительная фраза об отпева-

нии и похоронах митрополита в Успенском соборе в Москве.

А. А. Шахматов указывал три основных общерусских источника протографа Супрасльской летописи: митрополичий свод середины XV века, CI и NIV [Шахматов 2001: 845]. М. Д. Присёлков [Приселков 1996: 158], а вслед за ним Я. С. Лурье [Лурье 1976: 115], уточняли, что в так называемой Белорусской I (далее — BI) летописи отразилось митрополичье летописание, ведшееся при митрополитах Фотии¹ и Герасиме (едва ли оформлявшееся в своды). В. А. Чемерицкий высказывал идею, что в основе общерусской части Белорусской I (по его классификации — I свод) летописи лежат два источника: митрополичий Свод 1446 года и «Свод 1409 г.» [Чамярыцкі 1969: 76–77]. Таким образом, хотя во взглядах на источники этих летописей нет полного единства, все, начиная с А. А. Шахматова, отмечали в числе источников митрополичью летопись. Солидаризируясь в этом с историографической традицией, можно предположить, что уникальный материал о времени суток и переносе тела Киприана в Москву происходил либо из митрополичьей канцелярии, либо был внесен по припоминанию.

Изначально рассказ о преставлении митрополита Киприана, по-видимому, был внесен в свод 1408 г. при его оформлении. Летописи, не связанные с его традицией, сохранили собственные краткие известия. Такие известия могли выступать в сводах и как дублирующие по отношению к информации пространного рассказа. В более сложной ситуации составления и редактирования сводов и их источников могут иметь место компиляции в одном известии «своего» материала и полученного через какие-то посредства текста митрополичьего свода.

Интересно отметить, что рассказ о преставлении святителя был столь широко известен, что лег в основу проложного Жития митрополита, известного в двух списках: РГБ. Ф. 98 (Егорова). № 1299, 40-е годы XVI в. и РНБ. Титова. № 1220, 70-е годы XVI в. Причем использован «новгородский вариант» 1-й редакции. Другое Житие Киприана, созданное, видимо, уже в XVII в., известное по спискам Торжественников (РГАДА. Ф. 201 (собр. М. А. Оболенского). № 20; РГБ. Ф. 863 (собр. магазина «Антиквар»). № 3²; РГБ. Ед. пост. (Ф. 722). № 205.) сложилось на основе соответствующей главы Степенной книги³, которая, в свою очередь, опиралась на Никоновскую летопись.

¹ О материале Супрасльской летописи, связанном с Фотием, специально писал М. А. Шибаев [Шибаев 2012: 89–94].

² С миниатюрами, изображающими святых в полный рост.

³ По мнению А. В. Сиренова, это могли быть Чудовская либо Думинская редакции Степенной книги. Приношу большую благодарность А. В. Сиренову за эту информацию.

Сокращения

БІ — Белорусская I летопись
Мак — Московская Академическая летопись
НК1 — первая подборка Новгородской Карамзинской летописи
НК2 — вторая подборка Новгородской Карамзинской летописи
НІV — Новгородская IV летопись
ПСРЛ — Полное собрания русских летописей
СІ — Софийская I летопись

Литература

- Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М., 2007.
Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.
Морковина О. В. Проблема взаимоотношения литературы и деловой письменности в традиции древнерусского завещания: Дисс. ...кандидата филолог. наук. Новосибирск, 2005
Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20).
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.
Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.–Л., 1950.
Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987.
ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3.
ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Софийская I летопись старшего извода.
ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью.
ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. Симеоновская летопись.
ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. Летописи Белорусско-Литовские.
ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись.
Чамярыцкі В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969.
Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. // Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.
Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1901. № 11.
Шибеев М. А. Владимирский полихрон и Новгородско-софийский свод // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48). С. 83–95.